

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ!

ОФИЦЕРЫ

★ СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ ★

БОЕВОЙ АМУЛЕТ

ФЭНТИМ

Сергей Иванович Зверев

Боевой амулет

Серия «Офицеры»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183661
Боевой амулет: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13300-3

Аннотация

Не думал демобилизованный из Чечни сержант Плескачев, что вместо дома попадет в плен к боевикам. Последнее, что он помнил, это был мент, остановивший его в Моздоке для проверки документов. Далее полный провал в памяти...

Террористы пытались сделать из Плескачева своего пособника, но не на того напали. К тому же к розыскам сержанта подключился командир его роты капитан Верещагин, для которого спасти однополчанина – дело чести. Знай наших!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Зверев

Боевой амулет

Глава 1

*Провинция Бадахшан.
Афгано-таджикская граница,
2001 год.*

Отрезанная голова смотрела на спецназовцев Ильи Бойцова с немым укором. Голова мужчины была насажена на невысокий, метра полтора, необструганный шест. Дерево в этих местах всегда было в большом дефиците. Даже в показательных целях палачи не стали тратить его больше, чем положено.

Обезглавленное тело лежало метрах в пяти от шеста. Возле трупа уже прыгал стервятник. Он, казалось, совсем не боялся стоявших рядом людей. Но это впечатление было обманчивым.

Хитрая птица не спешила приступить к пиршеству, хотя вид запекшейся крови, трубок артерий и белых хрящей шейных позвонков возбуждал у падальщика аппетит. От волнения птица противно поскрипывала клювом, при этом недоверчиво косясь на внезапно появившихся пришельцев.

Один из них поднял камень:

– А ну, тварь пернатая, проваливай отсюда, пока я тебе башку не снес.

Стервятник, распрямив крылья, заковылял прочь. Он не спешил набирать разгон для взлета. Отойдя на некоторое расстояние, сложил крылья, остановился и, нахохлившись, принялся наблюдать за чужаками. Он чувствовал, что людям не до него. Падальщик умел ждать, полагая, что каждое живое существо – это его потенциальный ужин или обед. И что это лишь вопрос времени. Кроме того, он первый заметил добычу, и теперь она по праву принадлежала ему. Но вожак стаи людей – падальщик определил его безошибочно – полагал, видимо, по-другому.

– Отставить, Шваб! Хватит дурью маяться! – Командир спецназовцев капитан Илья Бойцов вытер пот с лица. – Птица тут ни при чем.

Довольно высокий белобрысый солдат с типично прибалтийской внешностью аккуратно опустился на корточки и столь же аккуратно положил камень на место. Он не бросил его, не швырнул небрежно в сторону, а именно положил на прежнее место. В этом скупом жесте угадывалась выучка. Лишний шум, бездумные разрушительные действия, неосторожные движения были так же противоестественны для бойцов спецподразделений ГРУ, как работа нестерильными инструментами и немытыми руками для классного хирурга.

А тишина в здешних краях стояла необычайная. Каза-

лось, воздух можно резать ножом. Таким, почти осязаемым на ощупь, он бывает только в горах. Даже ручей, огибавший крохотную долину с северо-востока, был словно гигантская серебряная подкова, брошенная рукой великана и беззвучно лежащая тут с незапамятных времен. Его вода перекатывалась через сточенные камни почти без звука. И эта сонная, немая долина пряталась в тени угрюмо молчащих гор.

Горы были повсюду. Их хребты закрывали горизонт, карабкались к небесам, старались занять собой все пространство.

Для человека, родившегося и выросшего в среднерусской полосе, богатой на луговые просторы и ласковые березовые рощи, здешние края могли показаться адом. Мрачный пейзаж с преобладанием темно-красных, охристых и терракотовых тонов лишь в некоторых местах разбавляли пятна чахлой зелени. Бог поскупился на нее для здешних мест.

Всевышний будто предвидел, что в этих мрачных горах люди испокон веков будут истреблять друг друга. Что в здешних пещерах, долинах соведут гнезда самые отъявленные религиозные фанатики, которые, прикрываясь именем Бога, начнут творить зло. Что через горные перевалы по дорогам, ведущим в среднеазиатские республики, а оттуда в Россию и Европу, потечет героиновая дурь, в которой захлебнется и пойдет в страшных муках на дно не одна молодая душа. Бог, если он действительно всемогущий и всевидящий, предвидел участь этой несчастной страны под назва-

нием Афганистан и ее части, пустынной горной провинции. Может, поэтому он сотворил этот край таким суровым, негостеприимным и малопригодным для жизни.

Но в эту минуту, всматриваясь в остекленевшие глаза мертвеца, капитан Илья Бойцов меньше всего был склонен предаваться философским размышлениям о тонкостях сотворения различных частей этого брэнного мира.

Несколько дней тому назад его группа была доставлена «вертушкой» без опознавательных знаков в заданный квадрат. Десантирование производилось скрытно, с соблюдением максимальных средств предосторожности. Группа, совершив изматывающий марш-бросок, сразу покинула квадрат высадки.

О планируемой операции, которую должны были провести русские спецназовцы, были проинформированы лишь несколько самых влиятельных полевых командиров Северного альянса. Но им было не до того. Они спешно стягивали свои отряды к Кабулу. Столицу страны еще удерживали талибы, но дни их были сочтены.

Каждый из местных князьков хотел ворваться в столицу первым. Ведь это давало возможность поучаствовать в будущем дележе власти. Вернуть отнятое недоучившимися школярами из медресе. Вновь стать хозяевами страны, а заодно получить от американцев деньги, оружие и продовольствие, которое в голодной, нищей стране так же дорого, как золото.

Перед самой высадкой группы талибы потеряли Кабул. Военные действия смещались на юг, к Кандагару, городу, который мулла Омар объявил неприступной крепостью, оплотом истинных правоверных, где найдут свою смерть нечестивые американцы и их собаки-союзники из Северного альянса. Но даже самым отъявленным фанатикам было ясно – война проиграна, что никакие молитвы не помогут против бомб объемного взрыва. Что крылатую ракету «томагавк», запущенную с американской подводной лодки, барражирующей в районе Восточного Средиземноморья, не остановит прочитанная сура из Корана. Что войну против неверных надо вести на их же территории, терзать их террористическими актами, направлять в их города смертников, заставить их общество цепенеть от страха. И только тогда Всевышний дарует своим воинам победу.

Поэтому самые преданные делу джихада люди покинули Кандагар до того, как вокруг города сомкнулось стальное кольцо окружения.

Оборонять последнюю твердыню талибов осталось «пушечное мясо», чья жизнь равнялась цене автоматного патрона. А главный вдохновитель всемирного джихада, паук, сплетший паутину, охватывающую весь земной шар от Алжира до Филиппин, наследник арабского строительного магната, обладатель многомиллионного состояния, губастый бородач с нездоровыми мешками под глазами и неизменным АКСУ под рукой, Усама Бен Муххамед бен Авад бен Ладен,

известный под кличками Директор, Абу-Абдалла, Моджахед и еще дюжиной других, укрылся вместе с самыми преданными сторонниками в Черных горах. Там, в своей паучьей норе, он готовился перебраться в более спокойные, безопасные места, куда не дотянутся цепкие руки американцев.

А те, в свою очередь, только и мечтали о том, чтобы схватить грязного типа, по чьему приказу были взорваны башни-близнецы Международного торгового центра, эсминец «Коул», американское посольство в Кении и другие объекты. Этот бородач с лицом постаревшего фокусника унижал, как мог, единственную сверхдержаву.

Именно этого американцы простить ну никак не могли.

Потому что какая это сверхдержава, если она никак не может обуздать раздухарившегося фанатика, потомка пастухов, гонявших на выпас верблюжьей стада, объявившего, что «убийство любого американца – гражданского или военного – является долгом каждого правоверного мусульманина».

Капитану Илье Бойцову и его спецназовцам, в общем-то, было плевать на обиды америкосов. В этом мире каждый решает свои проблемы самостоятельно. Но бородач, затаившийся в горах Тора-Бора, создавал проблемы и для родины капитана Бойцова. Точнее, не он сам, а его выкормыши и приспешники, мечтающие отделить от России весь Северный Кавказ. Создать на этих территориях исламский имамат, а уж затем, чем черт не шутит, начать с этого плацдарма

борьбу за всемирный халифат, где не будет места неверным.

Результаты борьбы за всемирный халифат Илья Бойцов видел в Чечне, в кишлаках среднеазиатских республик, в горах Северного Афганистана, на улицах российских городов, где асфальт улиц и руины взорванных домов были политы кровью невинных жертв террористических актов. Кроме того, жить во всемирном исламском государстве капитан Бойцов, как и многие другие, чье мнение исламисты в расчет не принимали, не желал.

Следовательно, действуя по принципу: «Враг моего врага – мой друг», американцы на этом этапе становились если не закадычными друзьями, то, по меньшей мере, союзниками. Так рассуждал не только капитан Бойцов. Так полагало и непосредственное начальство командира группы спецназа. Видимо, персоны из самых высоких государственных сфер считали так же. Все это, а также суть рискованного задания объяснил Илье Бойцову его командир полковник Бородавник.

Инструктаж, выдача вводных и постановка боевой задачи состоялись на борту грузового «Ил-86», совершавшего перелет Москва – Душанбе.

Борт по официальным бумагам должен был доставить груз для отдельного погранотряда российской Федеральной погранслужбы, защищавшего таджикско-афганский рубеж.

Отряд спецназовцев, в который входила группа Бойцова,

устроился между закрепленными на растяжках контейнерами и кабиной пилотов.

Полковник, прибывший на борт прямиком с важного совещания, взял тайм-аут. Чтобы переварить полученную там информацию, ему понадобилось некоторое время. Несмотря на запрет, Бородавник ожесточенно смолил одну сигарету за другой, часто обращался к планшету с картой, что-то бормотал себе под нос и с кем-то связывался, уточняя детали предстоящей операции.

Такой спешки при подготовке операции Илья Бойцов не видел давно. Сидевший рядом командир второй группы майор Печников, чьи позывные были Козырь, видя волнение начальства, завел разговор на отвлеченную тему. Обращаясь к Илье, он употреблял его позывной, и только однажды назвал коллегу по имени.

– Знаешь, Вепрь, а я жениться задумал, – с выражением мальчишечьей мечтательности на лице признался он.

Бойцов, гревший до сих пор ладонями штурмовой автомат «гроза», отложил оружие в сторону.

– Кто же избранница? – спросил он.

– Студенточка, – продолжая улыбаться, ответил майор.

Тусклый свет лампочек, двумя нитями тянувшихся вдоль всего гигантского чрева самолета, не мог рассеять мрак. В этом мраке лицо майора казалось отдельным осветительным прибором, работающим на каком-то своем, неведомом науке топливе. Козырь лучился свечением, которое может исхо-

дить только от бесконечно счастливого человека.

Бойцов знал в общих чертах послужной список майора, успевшего поучаствовать в целом ряде рискованных операций не только на территории России, но и далеко за ее пределами. Похвастаться более внушительным списком из находящихся в самолете мог разве что только полковник.

Решение действительно удивило Бойцова. Козырь был известен как закоренелый холостяк. Его семьей была команда, а единственным хобби – работа.

Повернувшись лицом к собеседнику, Бойцов торжественно произнес:

– Поздравляю! Правильное решение.

– Насмехаешься. Думаешь, вольтанулся старый служака? Набросился после контузии на сладкое, – чуть грустно отозвался майор.

– Ты скажешь, – рассмеялся Бойцов. – Над тобой насмеяться – себе дороже обойдется.

Контузию майор заработал в Чечне. Его группа, преднамеренно обнаружив себя, заманила в узкое ущелье, откуда был только один выход, крупное бандформирование. Командир вызвал по радиации штурмовую авиацию. «Летуны» проутюжили каменный мешок ракетно-бомбовым ударом по полной программе. А подоспевшая оперативная группа десантников провела окончательную стерилизацию ущелья, выкуривая недобитков из всех щелей и пещер.

Оказавшемуся в госпитале майору Печникову сообщили,

что командование представило его к высокому званию «Герой России».

Но награда, как водится, не нашла героя. Бумаги затерялись то ли в бесконечных коридорах Министерства обороны, то ли какой-то чиновник из наградного отдела положил их под сукно. Так что наградой Козырю стало онемение мышц левой половины лица и еще больше укрепившаяся вера спецназовцев в своего командира.

Из ущелья группа Козыря вернулась без потерь.

Тогда, всматриваясь в лицо собеседника, Бойцов подумал, что травма ничуть не испортила майора. Наоборот, онемевшая часть придала Печникову особый шарм. Даже улыбаясь, он оставался сдержанно-суровым, как и полагается знающему цену жизни мужчине. Таким же недугом, не к месту вспомнил Бойцов, страдает голливудская суперзвезда, обаяшка Сильвестр Сталлоне, заявивший недавно, что ему стыдно за киношную роль Рэмбо, пачками убивавшего в Афгане советских солдат и офицеров.

Под мерный рокот турбин офицеры продолжили беседу. Нет ничего лучше, чем перед заданием поговорить на отвлеченные житейские темы. О работе они предпочитали понапрасну не распространяться. Даже между собой. Для этого существовали оперативные совещания, детальный разбор проведенных операций и прочие служебные мероприятия.

Распрямляя затекшие плечи, Бойцов подначивал товарища:

– И где же ты, Козырь, умудрился студенточку подцепить? По молодежным тусовкам начал шастать? Или научился в общественном транспорте знакомиться?

– Да просто все до безобразия, – продолжая улыбаться, ответил майор. – Она по улице шла, а за ней парочка хмырей на джипаре увязалась. Тянулись впритирку возле самого бордюра. Похабщину несли через опущенные стекла.

Бойцов живо представил ситуацию.

– На Тверской браткам б...ей не хватает, – буркнул он.

– Не знаю. Но уроды в этой тачке были знатные. Несли похабщину на всю улицу. Народец у нас осторожный...

Бойцов поправил приятеля:

– Трусливый.

– Пусть так... Все прохожие отворачивались или шаг убыстряли. Одна бабулька замечание сделала, так ее матюками обложили и пообещали палку, на которую она опиралась, в известное место затолкать. Старушка аж посинела от обиды. А козлы эти от девчонки дальше чем на метр не отстают, – согласился майор. – В общем, довели девчонку до слез. А когда она в сторону от дороги свернула, двое бычар из тачки выпрыгнули и за ней рванули. Догнали. Один за талию схватил, второй на глазах у всех лапаты начал.

Проникнувшись рассказом майора, Бойцов смачно сплюнул и растер плевков рифленой подошвой берцовки.

– Развелось борзоты в златоглавой. Откуда только такие бамбуки появляются? Втиснут задницы на сиденья наворо-

ченных тачек, купленных на ворованные деньги, и чувствуют себя хозяевами жизни. Не только чеченов в сортире мочить надо, а и вот таких толстомордых сынков в чувство приводить.

Майор Печников лишь слегка кивнул головой в знак согласия:

– Короче, я не выдержал. Подошел и вежливо попросил оставить девушку в покое. Но чинной беседы не получилось. Не сошлись мы с парнями во взглядах на правила хорошего тона.

Произнеся эти слова, майор попытался скорчить невинное лицо, чтобы показать, как ему тяжело говорить о происшедшем дальше.

Он бы мог не продолжать. Бойцов-то встречался с майором на внутренних соревнованиях своего ведомства по рукопашному бою. Продержаться ему удалось не более десяти минут. Более хладнокровного и вместе с тем напористого бойца, чем майор, Бойцов не встречал. Его стиль рукопашного боя можно было сравнить с атакой безупречного механизма, запрограммированного исключительно на победу.

– Значит, оформил ребят как положено, – тихо, скрывая улыбку, произнес Бойцов.

– Не в этом дело...

– Я понимаю. Как говаривал великий воин Тамерлан: «Сила в справедливости, а справедливость в силе».

При иной ситуации Козырь не упустил бы возможности

пошутить над начитанностью коллеги. Работа офицера спецназа оставляла мало времени для изучения древних трактатов и биографий великих мира сего. Но тогда он был всецело погружен в воспоминания.

Продолжая сиять, как надраенная бляха солдатского ремня, майор довел рассказ до логического завершения:

– Сложил я братков в джипарь. Одного легонько помял. Так, чтобы тачку до больнички смог довести. А девчонку до дома проводил... – Он немного помолчал, после чего добавил: – Вот так и закрутилось. Запал я на нее, как безусый пацан. Никогда не думал, что такое бывает. Глаза закрою – ее вижу. К родителям знакомиться с цветами ходил. С занятий ездил встречать. А недавно предложение сделал.

– Правильное решение! – схватившись за окантованный металлическим уголком край скамьи, одобрительно воскликнул Бойцов.

Туша самолета качнулась.

Борт менял курс, забирая круто на юг.

Где-то внизу, невидимые на большой высоте, проплывали мирные города и селения. Но этот мир не был чем-то данным навеки. За это благо надо было сражаться. Люди в оживленных городах и сонных селениях, может быть, об этом не догадывались, но спецназовцы, летевшие на транспортнике, знали об этом наверняка. Знали, потому что видели, насколько хрупок и призрачен этот мир, готовый в любую секунду обернуться межнациональной резней, террористически-

ми актами, локальными войнами и прочей кровавой вакханалией, которую всегда готовы замутишь фанатики, дорвавшиеся до власти, или расчетливые подлецы, умеющие делать на крови деньги.

Заунывно скрипнули растяжки тросов, удерживающие контейнеры в неподвижном положении. Откуда-то со стороны аппарели, из хвостовой части фюзеляжа, донесся зычный клич полковника Бородавника:

– Товарищи офицеры!..

Поднявшийся майор одернул полы камуфлированной куртки с эмблемой Федеральной погранслужбы на рукаве.

Форменную одежду чужого ведомства спецназовцам выдали на борту. А оружие, специальная униформа и прочая необходимая для предстоящей работы материальная часть были заботливо сложены самими командировочными, как чуть насмешливо называл спецназовцев полковник Бородавник, в неприметном контейнере. Следом за майором поднялся Бойцов. По пути к ним присоединились еще двое командиров отдельных групп, прибывших по тревоге на аэродром.

Полковник положил на колени ничем не примечательный матерчатый портфель, похожий на футляр, в котором носят дорогие ноутбуки.

Обведя собравшихся взглядом, сказал:

– Товарищи офицеры, задание экстраординарное...

Все задания, которые приходилось выполнять людям, собравшимся в кормовой части фюзеляжа транспортника, бы-

ли, в общем-то, неординарными. Но тон обращения полковника настраивал на серьезный лад.

– К нам обратились наши, – полковник поперхнулся, закашлялся, а потом и вовсе замолчал, подыскивая нужное слово, – наши союзники... э-э-э... так сказать, по антитеррористической коалиции.

Вступительная речь давалась полковнику с трудом.

Надо было произнести политически правильную, или как стало модно говорить, политкорректную, часть, а уж после перейти к непосредственной постановке боевой задачи. Но вот с этой чертовой политкорректной частью у полковника Бородавника никак не получалось. Судя по выражению лица, он просто беззвучно матерился...

Пять лет, с короткими перерывами на госпиталья и отпуска, он безвылазно провел в Афгане. Пять лет офицер спецназа ГРУ охотился за караванами с оружием, идущими из Пакистана, выявлял базы моджахедов, вел необъявленную войну с офицерами пакистанских спецслужб и их западными инструкторами.

У Хоста группа Бородавника, уже тогда известного под позывным Борода, раздолбала караван грузовых «Тойот», в кузовах которых на вращающихся турелях стояли крупнокалиберные пулеметы. Двое из погибших оказались американскими инструкторами, которые учили моджахедов подрывному делу.

Через несколько месяцев, получив информацию от местного агента, команда Бороды спустилась в подземные каналы под Гератом. Каналы эти, построенные чуть ли не при Александре Македонском, служили укрытием для душманов. Там же они прятали перебежчика.

Начальник штаба одного из пехотных батальонов перешел на сторону врага. Перешел не с пустыми руками, а прихватив оперативные карты, кодовые таблицы позывных и еще кое-какие бумаги под грифом «Секретно». Подполковник хотел безбедно провести вторую половину жизни и встретить старость в домике под пальмами во Флориде. За это удовольствие предатель был готов заплатить любую цену. Через несколько дней его должны были переправить под Пешавар. Там, на главной базе афганских моджахедов, к приему дорогого гостя уже готовились высокопоставленные офицеры пакистанской разведки и целая стая церэушников.

Группа Бороды нашла крысиную нору, где «духи» прятали перебежчика. Но за просто так «духи» отдавать ценную фигуру не собирались. Почти сутки спецназовцы кружили по разветвленным каналам в кромешной темноте. Уже погиб проводник из местных, оборвалась связь, и остервеневшие «духи» лупили длинными очередями из всех щелей, но спецназовцы не прекращали преследования. Борода вел своих людей, даже когда сам напоролся на пулю. Вкатив себе лошадиную дозу обезболивающего и наложив жгут на простреленную руку, командир спецназовцев не покинул под-

земного лабиринта.

Остатки банды спецназовцы загнали в глухой тупик. Там, в глухих и мрачных ответвлениях древнего канала, состоялся последний, короткий и яростный бой, перешедший врукопашную. В ход пошли ножи, автоматные приклады, кулаки и даже зубы. «Духи» дрались с упорством фанатиков, которых после смерти ждут райские кущи и безграничная милость их бога. Спецназовцы же дрались, уповая только на себя и своего командира.

Когда все было закончено, они подняли на поверхность визжащего от страха, обгадившегося перебежчика и труп человека явно не восточной внешности. Убитый оказался кадровым церэушником, координировавшим переброску предателя в Пешавар.

Вместо домика во Флориде подполковник, по приговору военного трибунала, получил пулю в голову и безымянную могилу, а труп американца обменяли на обезображенный труп советского офицера, угодившего в плен к моджахедам несколькими днями раньше.

В послужном списке Бороды таких эпизодов было немало. И во всех, в какой бы части земного шара ни приходилось действовать офицеру спецподразделения ГРУ, так или иначе фигурировали представители заокеанских спецслужб. Советники, инструктора, наемники натаскивали, обучали, сплачивали в воинские подразделения аборигенов, участвовавших ранее только в бестолковых межплеменных разбор-

ках. А под начальством американцев эти аборигены становились солдатами, умеющими воевать по всем правилам военной науки.

Впрочем, ради справедливости стоит заметить, что и советские военспецы занимались подобным делом. Под их руководством в туманных, вечно влажных джунглях Юго-Восточной Азии или непроходимом африканском буше рождались армии, рвущиеся в бой с международным империализмом, американским неокOLONиализмом или еще с чем-нибудь не менее заковыристым, чему официальная кремлевская пропаганда не успевала придумать названия. А на самом деле две сверхдержавы вели непрекращающуюся войну по всему земному шару, стремясь ослабить друг друга.

С тех пор мир изменился.

Давно канул в небытие «союз нерушимый республик свободных». Многие из родившихся в нем успели позабыть не только слова гимна некогда великой страны, но и ее название. Вчерашние враги стали союзниками, а недавние союзники – потенциальными противниками.

– Только после литра водки я начинаю разбираться в политике. Но если начать говорить о ней после первой поллитровки, я зверею. А вообще, наше дело нехитрое. Быть верным присяге. Беречь солдатиков. Выполнять приказы вышестоящего начальства, которое уж наверняка разбирается, в чем национальные интересы России и кто наш союзник, – с плохо скрываемой язвительной грустью шутил полковник

Бородавник, употреблявший, по российским меркам, более чем умеренно.

Полковник, в принципе, мог постараться забыть прошлое. Со времен афганской войны и командировок в Африку много воды утекло. Теперь спецназовцам приходилось работать все больше на территории собственной страны.

Но полковник знал одну непреложную истину, гласившую, что можно постараться забыть о прошлом, но прошлое никогда не забудет про тебя. Да и не в правилах офицера ГРУ было что-либо забывать. Вот поэтому он с трудом называл американцев союзниками. Но все-таки назвал.

– Эка, пиндосы помощи запросили! – Майор Печников весело присвистнул, услышав слова командира.

Не любивший, когда его перебивают, Борода встал, метнул тяжелый взгляд в сторону майора и принялся мерить узкое пространство шагами. Печников виновато опустил голову, буркнув себе под нос:

– Извините, товарищ полковник.

Тот посчитал, что немого замечания будет достаточно. В их организации долгих моралей не читали. А смотреть полковник умел так, что даже у самых лихих «спецов» мурашки по спине бежали.

– Повторяю, – с педантичностью учителя математики произнес Борода. – К нашему руководству обратились высокопоставленные чиновники американского Госдепартамента. Одновременно с такой же просьбой, но уже не в официаль-

ном порядке, обращались представители спецслужб.

Бойцова вводная часть не вдохновила. Он почему-то подумал, что союзники предложат выполнить какую-нибудь малоинтересную и не слишком чистую работу на территории одной из среднеазиатских республик или в секторе, контролируемом Северным альянсом. Услышанное позже заставило капитана Бойцова напрячься.

Расхаживая вдоль поднятой аппарели, полковник мерно цедил:

– Вы знаете, что дни талибов сочтены. Их военная структура разрушена, основные очаги сопротивления локализованы и скоро будут погашены. Основные бои будут идти за Кандагар, но и там талибам не удержаться. Однако американцы боятся партизанской войны. Они хотят любой ценой уничтожить лидеров «Талибана». – Сделав паузу, полковник обвел офицеров внимательным взглядом.

Все, а помимо майора Печникова и Бойцова полковнику внимали еще двое командиров спецгрупп, были максимально собранны и серьезны. Слева от Бойцова сидел офицер, чьи позывные были Клест, чуть поодаль, прямо на полу, подогнув под себя ноги, устроился командир четвертой группы с позывными Шпора. Все имели богатый опыт боевых действий в горах, бывали на территории Северного альянса и в примыкавшей к ней зоне ответственности Пянджского погранотряда.

«В Афгане придется работать», – с нарастающей внутрен-

ней тревогой подумал Бойцов.

Выполнение задания на территории сопредельного государства всегда связано с огромным риском и непредсказуемыми последствиями. Только очень серьезная причина могла вынудить руководство направить своих людей в эту страну.

Полковник тем временем прекратил расхаживать, вернулся на прежнее место и, положив на колени портфель, монотонно продолжил:

– Главным объектом охоты являются Бен Ладен и мулла Омар. Мулла Омар остается в Кандагаре. Он фигура второстепенная. Даже если останется жить, будет сидеть в горах, как в зверь в клетке. А вот подданный его королевского величества господин Бен Ладен, – полковник прищелкнул пальцем, – это тот еще фрукт.

Печников не удержался:

– Задал он перцу америкосам.

– И не только им. Этот араб и наших доморощенных фанатиков с ладони кормит. Чечены на его деньги войну ведут, – тихо заметил Бойцов.

Полковник жестом попросил помолчать:

– По данным разведки, Бен Ладен вместе с группой телохранителей перебрался в укрепрайон Тора-Бора. Америкосы попытаются выкурить его оттуда сверхмощными бомбами и прочими чудесами техники. Но я сильно сомневаюсь, что это у них получится. Рельеф местности очень сложный.

Система коммуникаций, укрытий и бункеров сработана на высшем уровне. Мы в свое время пытались штурмовать этот укрепрайон, но ни хрена не получилось. Только людей зря положили. И уйти оттуда достаточно просто. Рядом территория пуштунских племен. Ее никто не контролирует, и кочевники эти никому не подчиняются. Директора они никогда не выдадут, потому что готовы молиться на него. – Полковник опять взял тайм-аут, давая офицерам время переварить услышанное.

В темноте раздалось тихое покашливание. Это майор Печников прочистил горло, прежде чем задать вопрос:

– Ну, а мы-то тут при чем? Или нам хотят предложить посетить горный комплекс Тора-Бора, полный неопишуемых красот и сюрпризов?

– Ирония неуместна...

– Извините, товарищ полковник.

– Часто стал извиняться. Не узнаю тебя, майор. Чего-то ты больно резвый стал. Уж не влюбился ли на старости лет, – не понимая, насколько верно предположение, произнес полковник.

Бойцов едва подавил вырывавшийся наружу смех. Он всегда не терял возможности улыбнуться и советовал это делать своим подчиненным. Потому что никогда не знаешь, не заставит ли тебя жизнь в следующую минуту окаменеть от горя. Но тогда Илья Бойцов не засмеялся, а лишь с хитрым прищуром посмотрел на смутившегося майора.

Полковник же вновь перешел к делу:

– Нет, штурмовать Черные горы нас не просят. Нас просят о другом. Американцы потеряли ценного агента. У них вообще мало полевых агентов. Людей, проработавших в этой стране достаточно долгий срок, знающих многие секреты талибов. Не выдерживали кадровые офицеры разведки в тех краях слишком долго. То ли климат не подходил, то ли местная кухня не нравилась, – последнее предложение полковник произнес с издевкой. – Короче, американцы не смогли обзавестись в Афгане устойчивой и надежной разведывательной сетью. Одним из немногих, кто смог не только удержаться в этой стране, но сумел стать поставщиком реальных разведанных, был вот этот парень.

Полковник достал из портфеля папку, из которой извлек стопку бумаг. Он подошел к каждому офицеру, чтобы вручить бумажную версию электронного личного дела. На правой стороне листа располагалась цветная фотография, на левой – круглая эмблема ЦРУ США.

Бойцов, машинально готовя себя к главному, принялся рассматривать белоголового орла и расположенный под ним щит с розой ветров. Он не спешил переводить взгляд на фотографию. Рассматривая ненужную эмблему, он постепенно концентрировал внимание.

Полковник тем временем продолжал:

– Это Дэвид Финберг.

Не удержавшись, кто-то из спецназовцев удивился:

– Еврей, что ли? Вот это дела! Еврей в стане исламистов сбором разведданных занимается.

Борода меланхолично пожал плечами:

– Бывает... Парень лет шесть, судя по досье, там отищал. А это немало. Не каждый такое вытянет. Этот Дэвид сумел к талибам в доверие войти. Не знаю точно, насколько они ему доверяли, но информацию он сливал постоянно. Так сами американцы заявили.

Невольно Бойцов проникся уважением к неизвестному агенту. Провести несколько лет в нищей обездоленной стране, во враждебном окружении может только сильный духом мужик. Этот Финберг по всему был настоящим профессионалом. А настоящих профи спецназовец уважал.

– Провалился церэушник случайно. В Кабуле его опознал соотечественник, американец арабского происхождения. Они вместе в школе учились. Этот араб потом на исламе свихнулся. Свернул бизнес, перебрался в Сомали, а потом под крыло к бен Ладену в Афган переехал. Тут-то он с Финбергом и встретился. Что к чему, я точно не знаю, но парня взяли. – Вздохнув, полковник полез было в карман за сигаретами, но потом, передумав, спрятал смятую пачку обратно. – И вот тут начинается самое интересное. По данным наших союзничков, Финберга оставили в живых. До поры до времени, конечно. Он находится в отряде некоего Эмира ибн Фейсала, – тут полковник замолчал, ожидая реакции офицеров.

Арабское имя полевого командира никого не ввело в заблуждение. Офицеры переглянулись, а общее удивление выразил коротким восклицанием майор Печников:

– Это что же, наш общий знакомый!

– Именно, – подтвердил Бородавник.

Эмир ибн Фейсал, он же Руслан Дадаев, был уроженцем Шатойского района Чечни. Его «подвиги» начались еще в 1994 году. Затем молодого чеченца, отличавшегося невероятной жестокостью, заметил сам Хаттаб. Он решил сделать из подопечного настоящего волка. «Черный араб» включил молодого боевика в состав отряда, состоявшего сплошь из египтян и саудовцев. Там собралась отборная нечисть, набившая руку на террористических актах и перебравшаяся вслед за своим эмиром в Чечню.

В апреле 1996 года Фейсал вместе с остальными наемниками участвовал в расстреле колонны федералов под Шатом. Он же отметился при нападении на часть 136-й мотострелковой бригады в Буйнакске. С тех пор Фейсала взяли на заметку спецслужбы. Он фигурировал в списках как один из самых фанатичных приверженцев ваххабизма.

Затем, то ли в знак признания его заслуг, то ли для повышения квалификации, то ли по еще каким-то неведомым расчетам, Фейсал вместе с группой молодых фанатиков был переправлен в Афганистан. Эта часть биографии Фейсала по понятным причинам была покрыта мраком.

Торопясь внести окончательную ясность, полковник со-

общил:

– По полученным данным отряд Фейсала вместе с пленным идет к таджикской границе. Это подтверждают агентурные сведения и данные космической разведки. Зачем они тянут пленного с собой, непонятно. Да это и неважно. Важно, что Финберг жив. Американцы хотят спасти своего человека. Вероятно, он обладает определенной информацией о планах, укрытиях и возможных путях отхода лидеров талибана.

Сидевший рядом с Бойцовым майор Печников мрачно отметил:

– Тогда ему недолго осталось.

– Не каркай, – тихо одернул напарника капитан.

Полковник сделал вид, что не заметил пессимистического предсказания. Он достал из полевой сумки, лежавшей рядом с портфелем, сложенную вчетверо карту. Рядом он поставил ноутбук, включил его. Подождав, пока экран высветится глубоким голубым мерцанием, Бородавник сделал на карте пометки остро заточенным карандашом.

Офицеры окружили командира.

Жало карандаша заскользило по карте. На бумаге образовался четко обозначенный квадрат. Иногда полковник поворачивал голову к ноутбуку, на мониторе которого высвечивалась карта того же района, только с английскими обозначениями. На компьютерной карте рельеф местности был более четким и подробным.

Полковник чертил квадрат и тут же обратной стороной карандаша, на которой был закреплен ластик, стирал линию. Он делал это по старой привычке диверсантов, не оставляющих следов на бумаге.

– У таджиков неразбериха. На границе есть обходные тропы. Фейсал наверняка связан с местными исламистами и торговцами наркотиками. Если он перейдет границу, мы его не достанем. В большом городе он растворится вместе со своими людьми, как таблетка «эффералгана» в стакане воды.

– А в Афган он не повернет? – спросил один из офицеров.

– Не похоже. Группа Фейсала упрямо прет на север. Да и куда ему возвращаться? Если бы хотел принять мученическую смерть за ислам, остался бы вместе с талибами, – ответил Борода.

Капитан Бойцов высказался в поддержку предположений командира:

– Согласен. Он к границе ползет. Иначе не стал бы рисковать. В здешних краях больше сторонников Северного альянса.

Майор Печников озабоченно покачал головой:

– Сейчас самые непримиримые полевые командиры ушли к Кабулу. А с оставшейся шантрапой Фейсал всегда найдет общий язык. Подкупит, если деньги или наркота есть. Нет, местные князьки ему препятствия чинить не станут.

– Факт, – подтвердил один из офицеров.

– В здешних местах все на наркоте завязано. Тут основной

великий героинный путь проходит. Так что если у Фейсала имеются подвязки среди местных, нам трудно будет его достать, – закончил майор Печников.

Полковник задумчиво слушал, склонив голову над картой. Со стороны можно было подумать, что вокруг карты и ноутбука сгрудилась группа путешественников-экстремалов, обсуждающих между собой путь к какому-нибудь экзотическому горному хребту. Никто не выказывал особого волнения. Никто не суетился и не перебивал друг друга.

Спецназовец с позывным Клест внес свой вклад в обсуждение. Смешно пришепечывая – у него в результате сквозного ранения, полученного под Буденновском, было повреждено горло, – он заметил:

– На перевалах Фейсала надо ждать.

Выйдя из состояния задумчивости, Борода поднял голову:

– Значит так, товарищи офицеры. Две группы оседлают перевалы, две группы после высадки попробуют сесть на «хвост» этому басмачу. Главное для нас – спасти пленника и не дать душману перейти границу.

Бойцов отметил тогда, что полковник невольно перешел на старый жаргон, которым он пользовался еще будучи советским офицером. Видимо, сама близость афганской земли заставляла Бороду вспомнить боевую молодость и подзабытые словечки. Нынешнее поколение спецназовцев оперировало понятиями типа «чех», «федерал» и тому подобными выражениями.

До самого Душанбе офицеры обсуждали тактические особенности предстоящей операции. Рейд по территории сопредельного государства имел еще одну особенность. Об этом перед самой посадкой рассказал полковник.

– Понимаете, парни, – проникновенно сказал он, – мы действуем на свой страх и риск. Не со всеми полевыми командирами, считающими этот район своей вотчиной, удалось войти в контакт. А для некоторых вы все еще «шурави», безбожники, пришедшие без приглашения. Так что на радушие местных не рассчитывайте. И вообще, держите этих горцев на расстоянии. Х... знает, что у них на уме, – коротко и емко завершил полковник.

В Душанбе они быстро разгрузились. Груз из контейнеров перекачивал в уже ждавшие на взлетном поле «вертушки». После погрузки вертолеты немедленно взмыли в удивительно синее небо. Такое небо бывает только на юге. Внизу уплывали окутанные грязно-желтым маревом долины. Поднявшийся ветер нес с собой тонны взвешенного, но невидимого человеческому взгляду песка.

Спецназовцы, устроившись кто как, крепко спали. Эта особенность – спать в самых неблагоприятных условиях и в любой позе – приобретает с годами службы. Когда начинаешь понимать, какая это роскошь – сладко покемарить хотя бы несколько часов в сутки.

Но Бойцов не спал. Он смотрел на загадочно мерцающие

голубые ледники, шапками закрывающие вершины гор.

– Слышишь, Илья, ты бы притопил массу. Потом бог его знает, когда очи сомкнуть удастся, – толкнул локтем в бок сидевший рядом Печников.

– Попробую, – ответил капитан и смежил веки...

Проснулся Бойцов от клекочущего пересвиста лопастей вертолетного винта. «Вертушка» снижалась, стремясь не промахнуться мимо посадочной площадки, зажатой между двумя скалами. Внизу суетились пограницы, предупрежденные о прибытии загадочных гостей. Даже начальник заставы, крепко сбитый коренастый мужик, не был посвящен в детали операции. Это Бойцов понял по настороженным глазам погранца. Такими глазами, полными недоверия и даже некоторой враждебности, смотрят на нежданно-негаданно прибывших проверяющих.

На заставе спецназовцы не задержались. Времени хватило на проверку оружия, короткого отдыха, уточнения координат высадки и новых вводных от полковника. Впрочем, особой новизны Бородавник не вносил. Банда Фейсала по-прежнему кружила в обозначенном квадрате. Или не кружила... Это-то в первую очередь предстояло выяснить спецназовцам.

Группы стартовали парами. Сначала в небо ушла первая двойка. Бойцов проводил растаявшие в небесной синеве «вертушки» взглядом.

«Искать отряд в этих горах, на чужой территории, все рав-

но что пытаться найти иголку в стоге сена», – подумал он.

По всей линии горизонта, насколько хватало взгляда, тянулись угрюмые враждебные горы. Где-то за ними, совсем рядом, простиралась охваченная войной страна.

Подошедший полковник положил руку на плечо Бойцова:
– Давай, Илья, собирай людей. Твой вылет...

Глава 2

Десантирование прошло удачно.

Легкость первого этапа операции, получившей кодовое наименование «Странник», вызвала у людей капитана Бойцова прилив бодрости. Но сам командир спецназовцев никак не мог избавиться от странного беспокойства, разъедавшего душу. Он умел контролировать свои чувства, но на сей раз это не очень-то удавалось. Засевшая внутри тревога заставляла Бойцова нервничать. Нет, он не боялся встречи с противником. Его не беспокоило то, что приходилось двигаться по вражеской в общем территории. Тут было что-то другое, что Бойцов сам себе не мог объяснить.

К концу первых суток все группы вышли на заданные рубежи. Отряды Шпоры и Клеста оседлали перевалы, по которым проходили тропы контрабандистов, ведущие к границе. Группы майора Печникова и Бойцова двигались в северном направлении параллельными курсами. Они шли от долины к долине, надеясь захватить в свои сети Фейсала, его людей и пленника. А если не получится, то оттеснить его к перевалам и уже там взять эмира в клещи.

Места были немногочисленные и пустынные.

Война, длившаяся здесь много лет, научила людей не высовываться. Но Бойцов знал, что долго им оставаться незамеченными не удастся. Появление чужаков в горах обязатель-

но заметят. Какими бы навыками маскировки ни обладали спецназовцы, как бы ни соблюдали режим скрытного передвижения, но долго водить местных за нос не удастся. Это Бойцов знал наверняка. Знал по Чечне, знал и по Афгану. Группа приближалась как раз к тем местам, где Бойцову уже приходилось бывать.

Примерно год тому назад они обеспечивали охрану встреч лидеров Северного альянса с представителями Кремля. Высокие стороны договаривались о поставках вооружения, совместной борьбе с талибами и прекращении наркотрафика в Россию.

Переговоры проходили тяжело. С каждым влиятельным полевым командиром приходилось договариваться отдельно. Высокопоставленных персон оберегали парни из Федеральной службы охраны. Но самую тяжелую часть работы выполняли спецназовцы, бравшие под свой контроль внешний периметр места, где проходила встреча. Местным службам безопасности не доверяли ни сами афганцы, ни их гости.

В результате этих договоренностей Бойцову пришлось сопровождать караваны с оружием. Фарси, язык, на котором говорят многие афганцы, он знал почти в совершенстве. Поэтому и характер афганцев знал лучше других.

Один из таких караванов попытался отбить обкурившийся гашиша полевой командир, а по сути, предводитель разбойничьей ватаги по прозвищу Надир. Афганцы сами спра-

вились с людьми Надира. Главарю вспороли живот и выпустили внутренности. При этом он оставался жить. Палач, делавший эту операцию, умел превратить последние минуты жизни пленника в настоящий ад.

Живот Надира набили камнями, аккуратно зашили, а затем утопили в горной реке.

Вся эта процедура проходила на глазах у спецназовцев. Ни один из них не вмешивался в происходящее. Лишь изредка «спецы» тихо матерились, сплевывали сквозь зубы и яростно чадили сигаретами. По инструкции вмешиваться в местные разборки они не имели права.

На Надире разборки не закончились.

Чумазый от запекшейся крови мужик, одетый в рваный стеганый халат и выполнявший роль палача, подошел к старшему. Тот, оглаживая седую до пояса бороду, надулся как индюк, налил себе чая из расписного китайского термоса и мрачно посмотрел на сидевших рядом пленников.

– Все, п...ц пацанам, – просто и буднично заметил стоявший возле Бойцова Шваб.

Из-за его спины донесся голос Гнома, невидимого за высокой фигурой снайпера:

– Порежут, это факт.

Командир строго взглянул на бойцов, пресекая ненужные разговоры. Он хотел увести группу с места казни, но что-то задержало его.

Бойцов окинул взглядом ряды пленников. Казалось, плен-

ники смирились с участью. Они были готовы уткнуться лицом в эту серую пыль, захлебнуться собственной кровью и, дернувшись в последней конвульсии, навсегда покинуть бренный мир.

Только один из них, почти мальчишка, с едва пробившимся пушком, смотрел не в песок, а на Бойцова. Его темные глаза, влажные от слез, следили за каждым жестом русского офицера. То ли Всевышний подсказал пацану, то ли инстинкт самосохранения, но афганец явно надеялся на Бойцова. Только в нем он видел спасение.

Палач начал свою работу с правого фланга.

Из-под полы халата он достал метровый тесак. Лезвие было покрыто глубокими зазубринами. Размяв кисть, палач несколько раз рассек тесаком воздух. Потом он взглянул на старшего. Тот, прихлебывая чай, важно кивнул головой. Палач принялся за работу...

Он медленно шел вдоль ряда пленных и коротким движением подрезал жертвам горло. Убивал он умело. Даже было странно видеть, как с такой хирургической точностью можно орудовать тесаком столь устрашающих размеров. Тесак лишь описывал короткую дугу вдоль горла жертвы, а та уже кулем валилась на землю.

– Бля, мясники гребаные, – негромко матерился Гном, на которого зрелище произвело тяжелое впечатление.

Шваб, в чьих венах текла холодная и вязкая прибалтийская кровь, тоже не выдержал:

– Пошли, командир, отсюда!

А капитан не сводил глаз с безусого парня.

Раздетый по пояс (с него успели снять длинную, до колен, рубаху) пленник дрожал всем телом и смотрел, смотрел глазами-маслинами на русского офицера.

Потом произошло неожиданное.

Пленник протянул руки и жалобно, как-то по-овечьи, проблеял онемевшим от страха ртом:

– Шурави, шурави...

Гном осторожно тронул капитана за плечо:

– Командир, кажись, он тебя зовет.

Бойцов непроизвольно дернулся, сбрасывая ладонь с плеча. Он понял, что сейчас нарушит приказ. Это же понял и Шваб, маячивший за спиной.

Он тихо предупредил:

– Командир, со своим уставом в чужой монастырь не лезут.

На что Бойцов коротко бросил:

– Оставить разговорчики! – И, чуть смягчившись, пошутил: – Ты что, Шваб, словарь русских пословиц и поговорок изучил? Раньше ты народными мудростями не блистал.

Полевой командир, который принимал караван с оружием, воевал всю свою сознательную жизнь. Человеческая жизнь для него была лишь разменной монетой, изрядно обесцененной за годы кровавой круговерти. Сначала Амманулла сражался с Советами, потом с более удачливыми со-

племенниками, а затем с талибами. С кем будет сражаться завтра, Амманулла не знал, да и, по большому счету, это не имело значения. Главное, что у него и его людей было достаточно оружия и боеприпасов. То есть к войне он относился как к обычной работе, такой же, как земледелие или ремесло.

Когда Бойцов подошел к полевому командиру, тот сразу налил в жестяную кружку чая. Амманулла жестом предложил сесть и протянул угощение. Отказываться было нельзя. Законы восточного гостеприимства обязывали. Бойцов осторожно принял кружку, отхлебнул и чуть было не поперхнулся. Сладковатый запах крови витал в воздухе. От этого запаха тошнота подкатывала к горлу.

Сглотнув комок, Бойцов сказал на фарси:

– Амманулла, отдай мне парня.

– Которого? – безучастно поинтересовался полевой командир.

– Вон того, – указал на пленника Бойцов.

Палач, резавший пленников с методичностью забойщика, истребляющего стадо, в их сторону не смотрел. Он спокойно выполнял свою работу, лишь изредка останавливаясь, чтобы стереть с лезвия тесака кровь. Делал он это весьма простым способом. Втыкал лезвие в землю и медленно выдергивал тесак обратно.

– Деньги есть? – не выпуская из рук чай, спросил седобородый.

– Нет... – ответил командир спецназовцев.

– Тогда что ты можешь дать за этого сына ослицы?

Бойцов машинально провел руками по многочисленным карманам, кармашкам и отделениям «разгрузки». Все они были заполнены боеприпасами, предлагать которые капитан счел бессмысленным. Седобородый только что заполучил целый караван с оружием. За пленного следовало предложить нечто необычное. Нечто, что могло заинтересовать невозмутимого старца.

Суетливые движения русского офицера не остались незамеченными.

В покрасневших от ветра глазах полевого командира мелькнула и тут же погасла искорка любопытства. Он отставил жестянку с чаем, огладил бороду и коротким окриком остановил палача. Тот в свою очередь воткнул тесак в землю, пнул для острастки ближайшего пленного в спину, после чего встал, заложив руки за спину. В любой момент палач был готов приняться за работу.

Подняв воспаленные глаза на «шурави», полевой командир нетерпеливо поинтересовался:

– Так что, тебе нужна жизнь этого х..., найденного в помете паршивой ослицы?

Матерное слово, которого не было в языке фарси, он произнес на чистом русском языке. Наверное, сильные выражения полевой командир усвоил за долгие годы войны с «шурави». Ведь с этими словами русские солдаты шли в атаку, выполняли грязную и тяжелую работу, а если наступал мо-

мент, то и умирали, посылая последнее проклятие врагу.

Продолжая шарить по карманам, Бойцов выкрикнул:

– Да!

Седобородый предупредил:

– Тогда поторопись. Нам пора отправляться. К ночи погода испортится. Мои люди устали и не хотят мокнуть под дождем. Мы не станем задерживаться из-за этих ублюдков.

Ладонь капитана скользнула под «разгрузку» в нагрудный карман куртки:

– Хорошо, хорошо, – быстро произнес Бойцов, опасаясь, что седобородый передумает.

– Не понимаю, зачем тебе этот сопляк? – Внезапно лицо седобородого озарила догадка: – Ты любишь юношей?

Бойцов оглянулся:

– Да нет...

Никто из его спецназовцев даже не улыбнулся, потому что смысл фразы, произнесенной на фарси, остался непонятым. Только Шваб, поправив ремень автомата, недоверчиво переспросил:

– Чего этот бабай матом кроет?

– А-а, – отмахнулся командир, давая понять, что переговоры проходят нормально.

Неожиданно ладонь капитана нащупала продолговатый холодный предмет.

Обхватив его пальцами, Бойцов достал из кармана вещицу, которая могла заинтересовать полевого командира.

Спецназовец сделал серьезную мину, поднес сжатый кулак почти к самому носу седобородого, после чего разжал пальцы.

С нарочитой небрежностью в голосе Бойцов произнес:

– Вот, Амманулла, что я предлагаю тебе за жизнь этого паршивца.

Афганец привстал, стараясь рассмотреть предмет. Увидав его, Амманулла поцокал языком. Затем осторожно, двумя пальцами, он взял предмет, поднес к глазам, расплылся в улыбке и принялся разбираться с подарком. Бойцов улыбнулся, поняв, что попал в цель.

Предметом был складной нож американских рейнджеров. Его в качестве трофея капитан спецназовцев заполучил в Чечне. Нож нашли у одного из наемников, ликвидированных при попытке перейти административную границу республики со стороны Дагестана. Банда напоролась на засаду, организованную группой Бойцова. При досмотре трупов эту вещицу вместе со спальными мешками на гагачьем пуху австрийского производства и еще несколькими необходимыми в горах предметами припрятал спецназовец по кличке Кэмел.

Бойцов не одобрял, но и не осуждал подобные поступки. снабжение даже таких элитных подразделений, как спецназ, оставляло желать лучшего. Хотя ради справедливости стоит заметить, что с приходом к власти нового президента ситуация начала меняться. Добытый в бою трофей, к тому же

необходимый на войне, по понятиям Бойцова, можно было оставить у себя. Лично он пользовался такими вещами. Поэтому, когда Кэмел передал нож командиру, Бойцов без ложного ханжества принял презент.

Подарок действительно был знатный. В стальном пенале были спрятаны самые разнообразные лезвия и инструменты. Это была целая слесарная мастерская, способная втиснуться в кармане. И все эти лезвия, пилки, кусачки, отвертки и прочие приспособления были сработаны из высококачественного металла. А на отполированной боковине ножа был выгравирован лозунг рейнджеров, гласивший, что «если ты должен сделать это, то ты это сделаешь».

Амманулла поочередно открывал лезвия, словно боялся, что его хотят надурить, подсунув недоброкачественный товар. При каждом новом открытии он восхищенно крутил головой и причмокивал языком.

«Все-таки у восточных людей торгашество в крови», – наблюдая за реакцией полевого командира, подумал тогда Бойцов.

В свою очередь Амманулла искренне радовался выгодному предложению. Он вырос и жил в стране, где человеческая жизнь стоила очень мало. Такой порядок вещей сложился в Афгане давным-давно, а череда войн и усобиц лишь упростила его.

Гражданину какой-нибудь сытой европейской страны это могло бы показаться дикостью – выменивать человеческую

жизнь на хороший нож.

Но Амманулла так не считал. Он не был дикарем. Он просто жил по законам своей страны.

Взвешивая на ладони нож, полевой командир спросил Бойцова:

– Не жалко?

Капитан, понявший, что сделка состоится, облегченно выдохнул:

– Нисколечко.

– Тогда забирай это ишачье отродье, – милостиво согласился полевой командир.

Все это время пленник следил за ходом переговоров.

Догадавшись, что ему дарована жизнь, он рухнул лицом вниз и по-пластунски подполз к Бойцову. Он что-то бубнил, хватая ртом пыль. Добравшись до Бойцова, пленник обхватил ноги офицера. Бойцов не успел отступить, как спасенный стал целовать его бурые от пыли берцовки.

Нагнувшись, капитан негромким, но властным голосом сказал:

– Вставай. Я привык сам чистить обувь.

Бывший пленник поднялся, еще раз склонился в молитвенном поклоне и, не оглядываясь на обреченных товарищей, зашпешил в сторону молчавших спецназовцев...

Парень провел с ними три дня.

Спасенного звали Ахмед.

Он был уроженцем одной из северных провинций, где

правил не покорившийся ни талибам, ни советским войскам военачальник Масуд. Его еще прозывали «львом Пандшера», по имени ущелья, где находилась вотчина Масуда. В этом-то ущелье паренек и хлебнул горя.

Отец Ахмеда погиб, когда сыну исполнилось три года. Ровно через месяц на противопехотной мине подорвалась мать. А потом одного за другим война забрала и старших братьев.

Когда Ахмед подыхал от голода, люди Масуда отправили мальчишку в ущелье. Там ему вручили плетеную корзину, молоток, кусок лепешки и керосиновую лампу. С этим набором вещей Ахмеду приказали отправляться в извилистую штольню, прорубленную в чреве горы. В сыром мраке он должен был добывать лазурит.

Этот полудрагоценный камень с оттенками от голубого до зеленовато-бирюзового издревле считался на Востоке магическим. Его вставляли в перстни, делали из него четки для молитв и другие украшения. Западные модницы также не брезговали украшать себя ювелирными изделиями из лазурита. А Масуд за вырученные деньги покупал оружие и вел войну.

Пандшер был напичкан лазуритом, как хороший бисквит изюмом. Только вот выколупывать его из скальной породы приходилось с большим трудом. Ахмед вкалывал по шестнадцать часов в сутки за лепешку из проса и лохмотья, которые сложно было назвать одеждой. Через несколько лет каторж-

ной работы он решил убежать.

Прихватив суточную выработку драгоценного камня, Ахмед покинул штольню. Стараясь обмануть охранников, он не стал спускаться в долину, а направился в горы. Он знал, что его будут искать, и если найдут, то подвергнут жестокому наказанию.

Обычно за такие преступления вора до смерти колотили палками. Но могли придумать смерть и похуже.

Ахмед не хотел такой участи. Он был готов переметнуться на сторону талибов. Но судьба распорядилась иначе.

В горах паренька подобрала банда Надира. Это сообщество никому не подчиняющихся людей на свой манер пыталось выжить. Правда, делали это они за счет других, промышляя убийством, разбоем и грабежами. Парню хотелось жить, а судьба выбора не оставляла.

В банде Ахмед прижился, стал вроде адъютанта при главаре. О возвращении к мирной жизни он и не помышлял, успев позабыть, что такое голод и нищета. Ахмед научился убивать. Он быстро забывал о жертвах своих преступлений. Но потом цепь удач прервалась.

Банда позарилась на караван с оружием. Этот кусок оказался ей не по зубам. В результате столкновения с людьми Северного альянса отряд был рассеян, а большинство бандитов попало в плен.

– Остальное вы знаете, – всякий раз завершал свой рассказ Ахмед, прибившийся к спецназовцам.

Когда команде Бойцова пришла пора отправляться домой, спасенный появился возле вертолетной площадки.

Ахмед долго стоял на краю утрамбованного пыльного поля и смотрел, приложив ладонь ко лбу, на винтокрылые машины. Спецназовцы спешно грузили в «вертушки» казенное имущество и опечатанные ящики с документами.

Бойцов наблюдал за погрузкой, перекуривая с афганским охранником. Охрана уже привыкла к другу русских, но, зная прошлое Ахмеда, злобно косилась на парня. Сегодня охранники делали вид, что не замечают его.

Поманив парня к себе и подождав, пока тот подбежит, капитан сказал:

– Валил бы ты отсюда, Ахмед. Мы улетим, а тебе глотку подрежут.

Афганец с чисто восточным спокойствием подтвердил:

– Подрежут.

В его глазах-маслинах отразилось высокое небо, в лазурные глубины которого через несколько минут должны были нырнуть «вертушки».

Бросив окурок, Бойцов затоптал его рифленой подошвой берцовки:

– Вот и не искушай судьбу. Уходи, пока мы здесь. При мне тебя убивать не станут.

Коричневое лицо парня казалось вылепленным из обожженной в гончарной печи глины.

– На все воля Аллаха, – тихо ответил Ахмед.

Капитан приобнял парня за плечи и, легонько подтолкнув, повел к краю площадки. По пути он сказал:

– А у нас говорят, что на Бога надейся, а сам не плошай.

Ахмед остановился, заглянул капитану в глаза и вдруг с неожиданной горячностью произнес:

– Возьми меня с собой.

– Нельзя! – почти с ребячьим испугом воскликнул Бойцов, подумавший, что афганец снова может кинуться в ноги, начать валяться в пыли и устраивать прочие неприятные сцены.

Но Ахмед повел себя на удивление спокойно. Он зашагал к краю поля и, уже не глядя на капитана спецназовцев, произнес то ли с упрямством фанатика, то ли с уверенностью провидца:

– Понимаю. В твоей стране мне делать нечего. Но мы еще когда-нибудь встретимся. Я знаю, обязательно встретимся.

Ничего более не добавляя, Ахмед исчез в зарослях чахлого кустарника, окружавшего вертолетную площадку со всех сторон.

Бойцов, удивленный этими словами, долго смотрел в сплетение ветвей кустарника, похожих на ажурную решетку восточного дворца.

К заброшенному поселку в зажатой горами долине группа спецназовцев вышла через неделю. Именно столько длилось преследование отряда Фейсала. В том, что эта банда кружит

где-то здесь, сомнений не оставалось.

Пограничники сообщали, что попыток прорыва не было. В южном направлении, там, где расстилались предгорные равнины, ситуацию плотно контролировали американцы и их союзники из Северного альянса. Фейсал вместе со своими людьми и драгоценным пленником там тоже не появлялся. Он затаился в горах, уполз, словно червь, вместе со своим выводком в сумрачные пещеры и оттуда наблюдал за действиями охотников.

Последнее Бойцов чувствовал тем пресловутым шестым чувством, которое присуще только настоящим профессионалам. Это же чувство подсказывало, что Фейсал знает об организованном преследовании, хотя никаких конкретных данных, даже намек, ни у командования, ни у самого капитана Бойцова не было.

Но скоро казавшиеся безлюдными горы ожили.

Не просто ожили, а полыхнули огнем неожиданных яростных стычек, загрохотали эхом выстрелов, наполнились криками умирающих людей.

Операция «Странник» приняла неожиданный оборот.

События развивались следующим образом: сначала командиры обеих групп, ждавших Фейсала на перевалах, сообщили о боестолкновении неизвестных группировок. Бой произошел в долине, расположенной на равном удалении от обоих перевалов. Кто кого мочил в долине, было неясно.

Представители Северного альянса, занятые в игре, где

ставки очень велики, авторитетно заявили, что их отряды в указанном квадрате отсутствуют и что все их силы стянуты к Кабулу и Кандагару.

Командование, явно по приказу «сверху», отдало указание группам Клеста и Шпоры оставить перевалы, спуститься в долину и прочесать местность.

Как впоследствии оказалось, этот приказ был роковой ошибкой.

Туда же быстрым марш-броском направились группы капитана Бойцова и майора Печникова.

Марш-бросок в горах, где разреженный воздух разрывает легкие на части, – это испытание не для слабаков.

Бойцов вел своих людей без понуканий и командирских окриков. Он знал, что спецназовцы и так выкладываются по максимуму. Достаточно было взглянуть на лица парней, отливающие синевой от недостатка кислорода, чтобы понять, как им приходится нелегко.

Несладко приходилось и самому командиру.

«Разгрузка» давила на плечи точно пневматический пресс, ремень автомата впивался в тело, словно острое лезвие, а не успевавший высохнуть под порывами ветра пот заливал глаза. Но все эти мучения были лирикой по сравнению с вестями, приходившими по рации.

Новости были одна хуже другой.

Сначала прервалась связь с группой Клеста. Его отряд бесследно исчез на подступах к долине. Исчез до единого че-

ловека. Попытки обнаружить с «вертушек» хоть какие-нибудь следы спецназовцев успеха не принесли. Команда Шпоры, двигавшаяся восточнее, попала под сход лавины.

Командир успел сообщить по радиации об обстреле.

Лавина была вызвана искусственным путем. Какие-то люди, заметив группу «спецов», двигавшуюся по узкой горной тропе, установили миномет и жажнули по снежному козырьку, нависшему над тропой. Несколько прицельных выстрелов плюс заряды, выпущенные из гранатометов, привели снежную толщу в движение. Со скоростью курьерского поезда эта многотонная масса пошла вниз. Спасти из группы Шпоры удалось одному человеку. Он-то и рассказал об обстреле и последних минутах жизни отряда спецназовцев. Но кто и почему устроил им снежную ловушку, спасенный пояснить не мог.

Бойцов добрался до долины первым.

Уже на подступах он рассмотрел в бинокль коробки глинобитных строений.

Дома с плоскими крышами стояли возле весело журчащего ручья. Окна домов были затянуты кусками пленки. У обочины едва заметной дороги торчал кол с насаженной на заостренное навершие человеческой головой. Эта отрезанная голова, понял Бойцов, была или зашифрованным посланием, или насмешкой.

Рассредоточившись, люди Бойцова вошли в селение.

Они метр за метром прочесывали покинутые дома. На

стенах виднелись выбоины от пуль. Их было много, как бывает на лице человека, переболевшего тяжелой формой оспы. Возле одного из домов вповалку лежали трупы. Видимо, здесь был центр боя. Гильзы сплошным ковром покрывали землю. Погибшие были афганцами. Их трупы вопреки мусульманскому обычаю оставались непогребенными, а над одним телом так и вовсе надругались.

Рассматривая отрезанную голову бедолаги, Бойцов пытался разобраться в ситуации. Он беззвучно повторял про себя:

– Что же, черт побери, здесь произошло? Что здесь вообще происходит...

Нахохлившийся стервятник снова стал подкрадываться к трупу. Запах запекшейся крови возбуждал падальщика настолько, что тот решил пренебречь опасностью. А опасность в виде Шваба никуда не исчезла. Когда птица приблизилась, спецназовец пульнул камень. Казавшийся неповоротливым, стервятник увернулся. С возмущенным клекотом он отступил к ручью.

Бойцов оглянулся, чтобы взорваться криком:

– Шваб, ты не понял? Оставь птицу в покое!

Тот виновато пожал плечами:

– Чего шумишь, командир? Ревешь, как бегемот при случке.

Прибалт позволял себе такие шутки, потому что знал, что командир его уважает. Но сейчас лицо Бойцова было чернее

тучи. Шваб втянул голову в плечи и отступил на шаг. Он что-то промычал, словно его рот был набит ватой, но командир не стал вникать в смысл нечетких слов. Внимание Бойцова привлекли приглушенные крики.

Отойдя от шеста, капитан бросился к ручью. За ним, тяжело сопя, мчался Шваб, готовый в любой момент грудью за-слонить командира. По руслу ручья, поднимая столб брызг, брел Гном. Он сгибался под тяжестью ноши, которую тащил волоком. Этой ношей был человек. Вынырнувший из-за домов Ступа, бывший помассивнее и повыше напарника, подхватил человека за ноги. Вместе спецназовцы вытащили афганца из ручья.

– Вот, обнаружил при досмотре местности. Слышу, кто-то стонет неподалеку отсюда, – тяжело дыша, докладывал Гном.

Вымокший до нитки Ступа, разглядывая раненого, предположил:

– Наверное, его возле ручья и долбануло. Он упал. Его водой отнесло. А может, сам сумел поползти. Спрятаться хотел.

Удивленные неожиданной находкой, спецназовцы не обращали внимания на то, что раненый лежит лицом к земле. Кроме гривы спутанных волос, разорванной на спине камуфлированной куртки и шаровар неопределенного цвета, они ничего не видели.

Шваб догадался повернуть бедолагу лицом к солнцу. Нагнувшись и демонстративно кряхтя, он перевернул афганца

со словами упрека, адресованного бестолковым коллегам:

– Эх, вояки, нашли бесценного свидетеля – и мордой в песок зарыли. А где же ваша спецназовская бдительность? Где же стремление любой ценой сберечь ценного информатора...

Шваб мог еще долго изгаляться, но внезапно осекся, провёл ладонью по лбу раненого, сбрасывая в сторону мокрые пряди волос, и, всмотревшись в его лицо, поднялся. Он ничего не говорил, онемев от удивления.

Гном, использовавший момент, чтобы закурить сигарету, ехидно поинтересовался:

– Что, неужели Бен Ладена поймали? Ты чего напрягся, Шваб?

Выпустив струйку дыма, спецназовец удовлетворенно кашлянул, посмотрел на напарника и собирался что-то добавить. Перед этим Гном перевел взгляд на раненого и в ту же секунду выпустил сигарету из губ:

– Ахмед, мать моя женщина, это же Ахмед...

– Тихо, не ори, быстро раненого в тень, – распорядился Бойцов.

Раненого перенесли под стену ближайшей глинобитной лачуги. При осмотре оказалось, что ноги афганца посечены осколками гранаты. В холодной воде кровь успела свернуться.

Бойцов осторожно расстегнул куртку.

Хэбэшная солдатская куртка старого образца была надета

на голое тело.

С момента расставания Ахмед, похоже, не сумел разбогатеть или, по крайней мере, хоть немного улучшить свое материальное положение. Скорее всего, он так и остался рядовым бойцом в отряде какого-нибудь местного князька.

Под расстегнутой курткой Бойцов увидел то, что заставило его заскрипеть зубами.

Чуть ниже солнечного сплетения раненого вместо живота было сплошное месиво из внутренностей, запекшейся крови и набившегося под одежду речного песка. С такой раной афганец уже давно должен был умереть. Но вопреки всем законам медицины Ахмед жил...

Бойцов осторожно застегнул мокрую от воды и крови куртку. Затем приказал подать аптечку. Порывшись в пластиковой коробке, достал одноразовый шприц, наполненный бесцветной жидкостью. Мощное болеутоляющее должно вернуть раненому сознание и продлить жизнь Ахмеда, может, на несколько минут, а может, и на сотые доли секунды. Нашупав пальцами артерию, едва пульсирующую за правым ухом раненого, Бойцов вонзил в нее иглу. Ахмед слабо застонал, приоткрыл веки:

– Здравствуй, шурави, – прошептал он, прежде чем впасть в беспамятство.

Бойцов ничего не успел сказать. Да он и не торопился. Лекарство не могло так быстро подействовать. Реакция наступила через пять минут. Веки раненого задрожали. Ахмед об-

лизал спекшиеся губы и, не открывая глаз, попытался приподняться. Положив ладонь на грудь, Бойцов остановил его.

– Вот и свиделись, шурави, – прошептал афганец.

Бойцов невпопад поддакнул:

– Встреча у нас с тобой не очень хорошая получилась.

Спецназовцы заняли позиции возле домов. Каждый, определив зону ответственности, взял под прицел подступы к заброшенному поселению. Теперь никто не мог незамеченным приблизиться к тому месту, где беседовали раненый афганец и русский офицер.

– Дай пить, – попросил Ахмед.

Бойцов отстегнул фляжку, открутил пробку.

Ахмед жадно приник к горлышку. Было видно, как прыгает его кадык, проталкивая воду в пересохшее горло. Напившись, раненый со стоном приподнялся. На сей раз Бойцов его не останавливал. Опершись спиной об испещренную выбоинами стену, Ахмед сел.

– Как ты? – спросил Бойцов.

Раненый, равнодушно глядя перед собой, ответил:

– Умираю.

– погоди, – попробовал пошутить спецназовец, – тебе еще калым для свадьбы собрать надо. Скоро война закончится. Вот тогда и заживете.

– Здесь всегда будет идти война, – тихо произнес афганец.

Голова Ахмеда начала клониться набок. Капитан испугался, что раненый теряет сознание.

Бойцов положил руки на его плечи и легонько встряхнул:

– Ахмед, что здесь произошло? Откуда ты тут взялся? С кем вы воевали? Слышишь меня?

Просунув ладонь под куртку, Бойцов послушал, бьется ли у раненого сердце. Почувствовав прикосновение, Ахмед слабо улыбнулся. Он выпрямил шею и, преодолевая невыносимые мучения, быстро заговорил. Афганец торопился, видимо, понимая, что силы его на исходе, а русскому офицеру, некогда спасшему его от тесака палача, необходимо все знать.

Кривясь от боли, он поспешно заговорил:

– Я служу Халид-хану. Это большой человек в этих местах. Халид-хан принял меня, дал оружие и еду. Он дал мне новую одежду и ничего не спрашивал про прошлое...

Бойцов не перебивал. Он впитывал каждое слово, произнесенное раненым, пропускал через свою память и пытался сделать хоть какие-то выводы. Но имя, названное афганцем, ничего не говорило Бойцову. Среди видных полевых командиров Северного альянса такого не было.

– Я водил караваны Халид-хана к вашей границе. У него много людей. Мне он доверял. В этом селении у Халид-хана был склад. Мы хранили товар в этих домах... – Ахмед схватил синеватыми губами глоток воздуха, которого ему так не хватало. – ...Много товара.

Решив нарушить молчание, Бойцов спросил:

– Что за товар?

Взглянув в глаза офицера, афганец негромко произнес:

– Сок мака. Ты меня понимаешь, шурави...

– Наркотики? – полувопросительно выдохнул Бойцов.

Это слово, произнесенное другим, вызвало облегчение у умирающего Ахмеда. Он словно не хотел произносить это слово самостоятельно.

– Да. Героин высокой очистки. – Помолчав, афганец добавил с неожиданным вызовом: – Халид-хан торговал ими и при короле, и при правителях, сменивших короля, и когда вы пришли сюда, и при талибах. Он всегда продавал наркотики.

Заметив волнение раненого, Бойцов поспешил успокоить его:

– Хорошо, хорошо...

Ахмед слабел на глазах. Он неровно дышал, а на фиолетовых губах все чаще проступала кровь. Но ум раненого по-прежнему был ясен. Ахмед говорил четко и по делу, точно докладывал на оперативном совещании:

– Мы собирали новую партию, чтобы отправить товар за границу... Большую партию. За деньги от этого товара можно кормить все деревни провинции целый год.

«По-прежнему меряет все на продовольствие», – подумал Бойцов.

– Товар Халид-хана никто не смеет тронуть. Слышишь, шурави. Люди, живущие в этих горах, уважают и боятся моего хозяина, – звенящим от гордости голосом произнес Ахмед.

Лицо Бойцова стало жестким. Сквозь стиснутые зубы он процедил:

– Однако нашлись люди.

Афганец сплюнул сгустком крови:

– Это псы... Они напали ночью. И среди них были чужаки.

Халид-хан уже знает о случившемся. Он поднял всех своих людей. Он вернет товар. Он отомстит этому отродью шайтана, – скрипел зубами умирающий афганец.

Глаза Ахмеда закатились под веки. На капитана смотрели страшные, без зрачков, две алебастрово-белые выпуклости, которые не могли быть глазами живого человека. Большая доза обезболивающего не давала Ахмеду уйти, но смерть брала свое.

– Кто, кто были эти люди? – выкрикнул Бойцов.

– Не знаю... – вместе с хлопьями кровавой пены выдавил из себя Ахмед.

– Постарайся, дорогой. Постарайся хоть что-нибудь сказать.

– Среди них были арабы, люди с севера и, мне кажется... – Ахмед засипел, сжимая ладонями горло. Превозмогая приступ, он закончил: —... Мне кажется, они вели с собой пленника.

Теперь у Бойцова не было сомнений.

Погром, учиненный в селении, устроили люди Фейсала. Это они захватили партию наркоты, приготовленную местным делягой для переброски за кордон. Это они заставили

горы проснуться. Но зачем Фейсал сделал это, зачем он навлек на свою голову беду? Ведь теперь за ним идут не только охотники из российского спецназа, но и люди Халид-хана. Он не мог не понимать, что своими действиями разжигает еще один пожар.

Внезапно Бойцов замер.

Он вспомнил, как однажды в детстве он с отцом оказался в плену лесного пожара. Они слишком поздно поняли размеры грозящей опасности. Подхватив сына на руки, Бойцов-старший бросился бежать, пока не оказался на краю бездонного оврага, по склону которого нельзя было спуститься, чтобы не свернуть себе шею. Огонь поймал их в западню.

Бойцов помнил, как прислушивался отец к реву, доносившемуся со стороны пылающего леса. Это раскаленный воздух метался между почерневшими обуглившимися стволами. Вдруг, уловив изменение направления ветра, отец сорвал с себя куртку, намотал ее на суковатую палку, поджег и этим неказистым факелом стал чертить широкую дугу по кустарнику, сухой траве, нижним веткам деревьев.

Бойцов помнил, как кричал тогда:

– Папа, что ты делаешь?

Он думал, что отец сошел с ума. Но Бойцов-старший не обращал на визги мальчика никакого внимания. Он только иногда оборачивался, чтобы блеснуть улыбкой на закопченном лице:

– Не дрейфь, сына! Будем живы, не померем.

Пока поменялся ветер, огонь, пущенный отцом, успел создать защитную полосу из выжженной земли. Теперь пленники были ограждены от главного пожара несколькими сотнями метров, на которых просто нечему было гореть. На этом островке, задыхаясь от гари и истекая потом от жара, они спаслись. Спаслись благодаря решительности отца, не побоявшегося разжечь встречный пожар.

Так и Фейсал.

Захватив наркотики, он развязал войну всех против всех. Люди Халид-хана метались в горах, ослепленные яростью. Они искали похитителей, уничтожая каждого, кто вставал на их пути. А сам Халид-хан шел по следу Фейсала, двигаясь на север.

Эту часть плана Бойцов разгадать пока не мог.

Из раздумий офицера вывел слабый стон умирающего. Ахмед пытался поймать руку капитана. Когда ему это удалось, он прошептал:

– Шурави, похорони меня как мусульманина. До захода солнца. Не оставляй меня валяться здесь, словно шелудивого пса.

Взяв в руки флягу, капитан смочил афганцу губы. Этим жестом он хоть как-то пытался облегчить мучения умирающего.

– Хорошо, Ахмед, – пообещал офицер.

– Теперь мы точно с тобой не встретимся, – преодолевая боль, тихо произнес афганец.

Бойцов слабо улыбнулся:

– Как знать. Может, свидимся в лучшем из миров, где Бог не делает различий между мусульманами и христианами.

Ахмед посмотрел на офицера словно издалека, внимательно и серьезно:

– А разве такой есть?

– Есть, – с непоколебимой уверенностью произнес Бойцов.

– Тогда ты не спеши туда отправляться. Бог умеет ждать, – едва слышно прошептал человек, чья жизнь прошла в горах.

Ахмеда похоронили под грудой камней.

Могилу сложили подальше от ручья, чтобы поднявшаяся по весне вода не разрушила суровую усыпальницу афганца.

Надо было спешить.

Майор Печников сообщил по рации, что ровно десять минут назад его отряд вступил в бой с превосходящими силами противника. Неизвестное бандформирование атаковало группу спецназовцев с флангов. Скорее всего, Печникова зажали в клещи люди Халид-хана, рыскавшие, словно стая волков, по окрестностям.

Майор кричал в ларингофон рации:

– Вепрь, иди через перевалы к границе. Я прикрою тылы.

Пренебрегая режимом секретности, позабыв о позывных, Бойцов отвечал:

– Бля, Печников, держись сколько сможешь. Мы пойдем к тебе.

В ответ мембрана сгибалась от забористого русского мата:

– Ты что Бойцов, о...л, тут их как вшей на паршивой собаке. Со всех сторон ломятся. Уходи через перевалы. Это я приказываю как старший по званию.

Невидимый бой клокотал в наушниках искаженным эхом выстрелов и разрывов.

– Печников, вызывай «вертушки»! Слышишь, вызывай «вертушки». Уматывай на хрен оттуда. Это не наши клиенты, – надрывался Бойцов.

А сквозь наушники рвался осипший голос майора:

– «Вертушки» не пройдут. У этих сук ПЗРК¹ имеются. Положат летунов в один присест. Мы и сами не уйдем, и вертолетчиков пожжем.

Внутри Бойцова что-то оборвалось. Он сел на камень, готовый закричать от бессильной злобы. Невидимый враг оказался хитрым и коварным игроком, умело жертвующим чужими жизнями в разыгрываемой партии.

– Козырь, прием, – не желая прерывать связь, произнес капитан.

Ему казалось, что слабая нить радиоволн способна что-то изменить, способна оградить окруженных спецназовцев от свинцового ветра. Но это была всего лишь иллюзия, которую рассеял хриплый голос майора Печникова:

– Все, Илюха. Заканчивай разговор в эфире. Ты не девица, а я не ведущий на попсовой радиостанции. Нам работать на-

---

¹ ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс.

до. Да и тебе прохладиться некогда. – После короткой паузы, заполненной треском выстрелов, майор добавил: – Прощай, Илья!

Отключив радиостанцию, капитан резко поднялся. С места, подхватив на изготовку оружие, он прошел несколько шагов, а затем перешел на бег. Следом за командиром, выстроившись цепочкой, в том же темпе двигались остальные спецназовцы. Они спешили к перевалу, откуда тропа вела к границе...

Когда впереди загрохотали далекие разрывы, Бойцов сделал знак, по которому группа остановилась. Шедший за капитаном Шваб на всякий случай снял предохранитель автомата:

– Что, командир?

Прислушиваясь к эху далеких разрывов, доносившихся со стороны границы, Бойцов устало вздохнул:

– Обхитрил нас Фейсал. Сам пришел к границе и банду Халид-хана за собой притащил. Слышишь, как пограницы по всей этой басмаческой кодле лупят.

Шваб недоуменно пожал плечами:

– Ну, а ему-то какой резон такой шухер поднимать?

На что Бойцов ответил:

– Говорят, что в огне брода нет. А я думаю, порой найти подходящую переправу можно только в огне...

Пограничный дозор доложил об обнаружении крупного

бандформирования. Отряд шел к границе не скрываясь, а перед ним в авангарде шел отряд поменьше. Изредка эти две группы вступали в перестрелку. Но ни одна, ни другая не прекращала движения.

На заставу, в зоне ответственности которой должен был произойти предполагаемый прорыв, в спешном порядке прибывало подкрепление. Пограничники хорошо помнили события, когда исламские фанатики полностью уничтожили одну из застав. Они не хотели повторения подобного.

Полковник Бородавник, наблюдавший за развитием ситуации, не вмешивался в действия пограничного начальства. Он потерял три группы, три отряда своих самых лучших людей. И он не хотел, чтобы такое же случилось с его братьями по оружию. Хотя чутье старого разведчика подсказывало, что на границе разыгрывается грандиозная провокация.

По запросу пограничников командование 201-й дивизии выдвинуло к границе боевое усиление. Экипажи вертолетов Душанбинского отдельного пограничного авиаполка заняли свои места и запустили двигатели. Расчеты артиллерийских орудий расчехлили стволы гаубиц, а на позиции выехали машины систем залпового огня.

Во второй половине дня пограничники вступили в бой с нарушителями границы возле поста «Бек». По основному скоплению боевиков был нанесен артиллерийский удар. Огонь гаубичной артиллерии серьезно проредил ряды бандитов. Часть их упорно лезла на пулеметные гнезда поста,

часть, заняв оборону, вела огонь в противоположном направлении.

Солдат, поливавший наступающих из пулемета, сказал своему напарнику:

– Гля, Федя, они же по своим шмаляют.

На что сержант с важностью бывалого солдата ответил:

– Азиатская хитрость. Они, блин, азиаты, знаешь, какие хитрожопые. – Хотя в чем заключается хитрость, сержант пояснить не смог.

Наступавшие бросали на землю тюки, пытаясь спрятаться за ними. Пули разрывали ткань, и из тюков высыпался белый порошок, похожий на сахарную пудру. Другие люди хватали эти тюки, сгребали просыпавшийся порошок ладонями, распахивали его по карманам длиннополых халатов и курток. И те и другие были обречены. Огонь со стороны пограничных постов усиливался, превращаясь в огненный шторм, сметающий все на своем пути.

В это же время километрах в пяти от места, где шел бой, границу пересекли трое человек.

В указанном месте их ждал проводник. Таджик быстро погрузил на потрепанный «УАЗ» тюк с героином, предупредительно распахнул дверцы перед молодым человеком с черной волнистой бородой, сказав:

– Быстрее, эмир Фейсал! Документы и билет на самолет будут готовы до нашего приезда в Душанбе.

В машине люди молчали, пока один из них, сумрачный

здоровяк, заросший бородой по самые глаза, в которых блестели искры гнева, чуть слышно прохрипел на арабском:

– Мы предали своих людей. Мы обманули их. Направили под пули кяфиров.² Эмир Фейсал, мы должны были остаться с нашими людьми, а не спасать свои шкуры, как крысы. И американца мы не должны были убивать.

Второй нарушитель границы, невысокий субъект с невыразительным лицом, равнодушно произнес короткую фразу, определившую судьбу араба. Он говорил на чеченском, отвернувшись к стеклу дверцы:

– Этот болван слишком много себе позволяет. Он возомнил себя чуть ли не потомком пророка. Он нам не нужен. Не так ли, Фейсал?

Когда машина остановилась, мужчины вышли справить нужду. Араб отошел подальше, считая отправление естественных потребностей делом сугубо интимным. Он устроился на обочине дороги, метрах в сорока от которой зияла пропасть.

---

² *Кяфир (араб.)* – неверный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.